

Хорошо бы понять, что мы имеем в виду, когда говорим о гражданском обществе

Марк РАЦ, Институт стратегических оценок

На днях мне пришлось присутствовать на собрании, посвященном тоже очень актуальной теме: кризису духовности в России. Про кризис духовности мы слышим каждый день: как капли дождя стучат по крыше, так этот самый кризис духовности стучит по нашим мозгам. И когда я там попытался поставить вопрос о том, что же присутствующие и организаторы этого мероприятия подразумевают под духовностью, то я не только не получил никакого вразумительного ответа, но мне было сказано, что вопрос такой ставить вредно. А недели за две до этого тот же самый вопрос студенты РГГУ задали представителю Госдумы, который выступал с аналогичными лозунгами, но поскольку вопрос был задан в кулуарах, а не на заседании, представитель Госдумы вместо ответа их просто отmaterил. К чему я эту байку рассказываю? К вопросу об открытом обществе.

Хочу напомнить, что идея открытого общества, о котором сейчас идет речь, была предложена Поппером в книге, изданной более полувека назад на Западе, ставшей там в свое время бестселлером, признанной высочайшей классикой, появившейся на русском языке лет 5–6 назад и совершенно нечитабельной для широкого круга граждан по причине своей крайней сложности. Хотя поклонник Поппера Сорос и финансировал ее издание в России тиражом в 40000 экземпляров, но я боюсь, что читателей этой книги наберется 400 человек на всю Россию.

Что же стоит за словами "открытое общество"? Еще раз напомню, что книга вышла в 1943 году, и в первые десятилетия бытования этой идеи открытое общество понимали как некую эмпирическую фиксацию, связанную с ситуацией холодной войны. На Западе, дескать, открытое общество, демократическое, свободное, правовое, а в Советском Союзе и в странах, входящих в советский блок, соответственно, закрытое общество – неправовое, недемократическое и т.д., со всеми отрицательными приставками и коннотациями. Но вот империя зла, как известно, приказала долго жить. Поппера тем временем на Западе едва не забыли. Он уже ушел в историю, стал таким же глубоким классиком, как Кант и Гегель. Там сейчас широкую общественность интересуют совсем другие идеи. Один из немногих активных проповедников этой идеи – Джордж Сорос, к счастью, миллиардер. Он тратит массу денег и энергии на то, чтобы эта идея не заглохла, а продолжала жить. При этом он выдвигает один очень странный тезис, который состоит в том, что путь к открытому обществу должна показать Россия. Именно по той причине, что она наиболее далека от идеалов открытого общества. В этой связи мне вспоминается Фазиль Искандер, который в свое время говорил, что людям свойственно обсуждать главным образом то, чего у них нет. Голодный говорит о еде, замерзающий говорит о тепле и, соответственно, российский гражданин думает и говорит об открытом обществе.

Первый вопрос, который сформулировали организаторы сегодняшнего мероприятия: "Открытое общество в России – утопия, мечта, проект" или что-нибудь другое, – уже обсуждался в одном американском интернетовском издании. Потом эта дискуссия была перепечатана в "Книжном обозрении", которое, естественно, никто не читает. Это было 8 сентября 1998 года. Дискуссия происходила между одним бывшим советским профессором, работающим ныне в Гарварде, и вашим покорным слугой, и смысл ее состоял в том, реально ли открытое общество в современной России. Дискуссия была инициирована моей брошюрой, изданной года полтора назад. Вопрос состоял в следующем: "А чего это вообще Рац рассуждает про открытое общество, когда и ежу ясно, что никакое открытое общество в России невозможно и, самое главное, никому не нужно?". И мой коллега из Бостона приводил некие социологические выкладки, показывающие, что 99 процентам населения России открытое общество нужно, как дырка в голове. Я ему на это отвечал, что может быть он и прав, но следует учитывать и то обстоятельство, что для этих 99 процентов слова "открытое общество" говорят примерно столько же, сколько слово, придуманное одним моим коллегой специально для таких ситуаций: "кундюк". Так вот, для 99 из 100 граждан России "открытое общество" – это некий "кундюк". И что с ним делать, и кому он нужен – абсолютно не понятно.

Возвращаясь к предмету нашего разговора, я предпочел бы обсуждать открытое общество как идеальный – в смысле Макса Вебера – тип, то есть как некую идеальную конструкцию, существующую исключительно в наших головах и имеющую некое опосредованное отношение к реальной жизни, как некий общественный идеал. А общественный идеал отличается от реального типа, как мне кажется, тем, что он существует, с одной стороны, в наших головах, а с другой стороны, в пространстве истории.

В этом смысле общественные идеалы имеют к реальной жизни прямое отношение, поскольку они выражают то, что мы хотели бы видеть в своей жизни. Идеал – это такая форма организации жизни, которую мы хотели бы иметь и которой у нас сегодня нет. Поэтому идеал выстраивается как бы в оппозиции к тому, что мы имеем сегодня фактически.

И вот то, чего мы хотим, называется или может называться открытым обществом. Понятно, что представление об открытом обществе как о веберовском идеальном типе есть представление об обществе, где господствует критическое мышление, обществе, которое живет в рамках диалога и права, обществе, открытом прежде всего своему будущему. Именно открытость будущему является определяющей характеристикой открытого общества, а вовсе не открытость границ и открытость рынка. Понятно, что таких представлений об открытом обществе совершенно недостаточно для использования этого понятия в политической деятельности, поскольку политика имеет своей задачей привлечение масс, привлечение, как у нас любят говорить, электората, а электорату, как мы уже выяснили, все эти высокие материи нужны, как дырка в голове. Электорат спрашивает, а что это такое и с чем это едят.

Поэтому возникает вполне практический вопрос: "Как надо представлять себе организацию жизни в условиях открытого общества в отличие от того, что мы знаем по собственному опыту в Советском Союзе, или от того, что мы знаем по телевизору о жизни в Соединенных Штатах или Германии?". На эту тему существуют разные взгляды. У Поппера была сформулирована идея открытого общества, но у него не было разработанной концепции открытого общества, и он не связывал представление об открытом обществе ни с какой определенной онтологией, то есть представлением о том, как именно оно устроено, каков механизм внутренней организации этого общества. Поэтому приходится думать собственной головой.

Я бы предложил трактовку открытого общества как некоего триединства. А именно: триединство гражданского общества, правового государства и рыночного хозяйства. (Словосочетание "рыночное хозяйство" лучше отражает суть дела, чем понятие "рыночная экономика", поскольку экономика не бывает иной, нежели рыночной, постольку рыночная экономика – это бессмысленное выражение. Либо рыночная, либо не экономика.)

Что касается гражданского общества, то в "Независимой газете" была опубликована статья Льва Пономарева на тему о том, дескать, гражданское общество у нас уже есть. И нечего врать, что у нас его нет, а также нечего врать, что у нас политические партии направляют свои усилия на формирование гражданского общества. Я не взялся бы обвинять уважаемого Льва Александровича в том, что он врет, полагаю, что он просто заблуждается. На мой взгляд, до гражданского общества России еще в лучшем случае надо двигаться лет 50, пока что у нас есть только некоторые незначительные элементы гражданского общества. А что касается деятельности политических партий, то статья Пономарева кончается очень странным – после сделанной фиксации – призывом организовать политическую партию, которая боролась бы за гражданское общество в России. Спрашивается, зачем за него бороться, если оно и так есть?

Возвращаясь к содержанию категории "гражданское общество", замечу, что этот термин гораздо более старый, чем "открытое общество", поэтому довольно часто возникает неудачная терминологическая накладка. Я бы лучше говорил об открытом общественном устройстве в отличие от гражданского общества, поскольку понятие "гражданское" характеризует преимущественно общество в отличие от государства и хозяйства, а открытое общественное устройство объединяет и то, и другое, и третье, организованные особым образом. Гражданское общество и правовое государство образуют собой некий диполь. Один полюс – гражданское общество, другой – правовое государство. И одно без другого существовать не может. На мой взгляд, ключевым понятием здесь является гражданское общество. Все разговоры о правовом государстве в России будут бессмысленными до тех пор, пока не сформируется гражданское общество. К сожалению, гражданское общество нельзя построить. Даже по самому замечательному проекту, даже пользуясь теми средствами, которыми мы, например, строили в Советском Союзе коммунизм. Вот коммунизм в его ленинско–сталинском варианте можно построить. Можно выкопать котлован, как нас учил Андрей Платонов, и дальше с помощью зубила и кувалды строить материально–техническую базу для того самого коммунизма, на какой-то базе он потом и расцветет, что мы с вами уже имели случай наблюдать. Применительно к гражданскому обществу как важнейшей компоненте открытого общественного устройства такой подход принципиально непригоден, поскольку гражданское общество можно только вырастить. А построить его нельзя в принципе.

Короче говоря, для формирования гражданского общества и правового государства в России нужны не тотальные проекты типа "Проект построения общественного устройства России" или "Проект формирования гражданского общества в России". Нужны программы, ориентированные на

движение российского общества в направлении формирования в нем гражданского общества, в направлении формирования открытого общественного устройства и т.д. А программная форма организации действий в принципе отличается от проектной тем, что программа не предусматривает конкретного проекта, который мы можем реализовать через определенный промежуток времени. Программа в отличие от проекта не предполагает фиксированных сроков, равно как и фиксированного финансирования.

Программа имеет дело с идеалами. Движение к идеалам осуществляется постепенно. Это есть некоторое движение в заданном направлении. Движение неопределенно долгое и неопределенно дорогое. А вот в рамках этого движения в качестве его элементов строятся конкретные, локальные проекты. На Западе есть даже численные характеристики, по которым они различают программы и проекты. Они говорят, проект – это то, что стоит не больше, чем 2–3 миллиона долларов, и продолжается не больше, чем 1–2 года. А то, что дороже и дольше, то не проект, а программа. Это, конечно, такой детский способ различения, но смысловую сторону дела он достаточно хорошо передает.

А теперь обратите внимание: все усилия российского государства, начиная с 1991 года, направлены на так называемые рыночные реформы. Понятно, почему: будучи изначально марксистами и исходя из известных соображений про базис и надстройку, мы никак иначе, конечно же, двигаться не умеем. Не можем себе даже представить иного движения, нежели движения, основанного на формировании экономического базиса, над которым потом будет, дескать, воздвигаться замечательная конструкция гражданского общества и правового государства.

Ничего такого никогда не будет, поскольку отдельно взятые рыночные реформы и отдельно взятое рыночное хозяйство вовсе не обязательно приводят к гражданскому обществу и правовому государству. Есть замечательные примеры фашистской Германии, франкистской Испании и т.д., и т.п., где рыночное хозяйство благополучно сосуществовало с тоталитарной формой государственного устройства. Поэтому, если мы хотим иметь в России демократию, пора бы уже слегка подкорректировать вектор наших реформ – с рыночных реформ на демократические реформы, на формирование того самого гражданского общества, о котором мы так любим болтать и по поводу которого наше родное государство пальцем о палец не ударит для того, чтобы двинуться в этом направлении. Думаю, что не раскрою большой тайны, если сообщу, что пару лет назад в Администрации Президента обсуждалась идея формирования программы содействия гражданскому обществу в России. Это обсуждение так и осталось обсуждением в замечательном месте под названием Волыньское, откуда оно так никуда и не вышло.

Какое все это имеет отношение к негосударственным организациям и СМИ? Самое прямое. Дело в том, что информационная прозрачность есть, по-видимому, необходимый элемент открытого общественного устройства. Во всяком случае, мне не приходит в голову ни один пример общества, более или менее напоминающего гражданское, и организации жизни в стране, более или менее напоминающей открытое общественное устройство, в которых не существовали бы свободные СМИ. Они почему-то везде есть, и без них обойтись не удастся. Почему – это можно обсуждать специально, но, по-видимому, это далеко не случайность.

И точно так же микроструктура гражданского общества состоит из бесконечного количества негосударственных организаций. Поскольку я в свободное от работы время библиофил, у меня дома лежит пачка тоненьких – по 10–15 страничек – брошюр, изданных в начале века в "царской тюрьме народов". Названия звучат примерно так: "Устав общества выпускников коммерческих училищ города Конотопа", "Устав и программа общества воспитанников и воспитанниц архиерейского училища в городе Уфе", "Устав императорского общества архитекторов–строителей" и т.д. В России так было в начале века, а на Западе так есть и сейчас. Любая цивилизованная страна имеет в своих границах десятки и сотни тысяч вот такого рода общественных или негосударственных организаций.

Отвечая на другой вопрос, поставленный организаторами, а именно на вопрос о том, что же угрожает формированию гражданского общества в России, я бы сказал, что, по-видимому, проще ответить на вопрос, что ему не угрожает. Потому что угрожает ему все. Все, что есть в России, все угрожает становлению здесь гражданского общества. Что же по этому поводу делать негосударственным организациям и СМИ? Что касается негосударственных организаций, то мне трудно сказать, поскольку их много и они очень разные. Наверное, разным надо делать разное. Это тема детального разговора. А вот что касается СМИ, то, я думаю, основное, что они могли бы сделать, это иметь в виду то обстоятельство, что существуют такие мыслительные конструкции, как открытое общественное устройство и гражданское общество. Поскольку если почитать наши даже самые интеллектуальные газеты, то выясняется, что, по-видимому, у пишущих в них журналистов и у редакторов этих изданий подобного рода категории в их мыслительной действительности просто

отсутствуют. Поэтому продолжается бесконечное словоблудие по поводу социализма и капитализма, несовместимое с представлениями об открытом и закрытом обществе. Это разные парадигмы. Либо мы обсуждаем социализм и капитализм в марксистской традиции или какой-то там другой, где они присутствуют, либо мы говорим об открытом и закрытом общественном устройстве, где ни того, ни другого просто нет и быть не может. И заметьте, что Сорос в последние годы говорит главным образом о том, что открытое общество ровно так же противостоит капитализму, как и социализму. Оно не совместимо ни с тем, ни с другим. Но ведь это понимать надо. Однако такое понимание в наших СМИ отсутствует.